

Консервативная "культурная революция"

Ален де Бенуа

Перевод Елизаветы Ремизовой

Когда сталкиваешься с политической и экономической полемикой, которая развертывается в настоящее время в западных странах, первое слово, приходящее на ум, - это слово "тотальность". Мы оказались перед лицом *тотальной* полемики. Я имею в виду не то, что она носит тоталитарный характер (хотя тоталитарное искушение, увы, не всегда отсутствует), но то, что она все больше и больше, безотчетным образом, относится как к сферам собственно "политическим", так и к сферам, которые прежде принято было считать "нейтральными". Факт состоит в том, что еще некоторое время назад различные фракции и партии противостояли друг другу лишь по *непосредственно* политическим вопросам, будь то социальные институты, система управления, экономическая система, тогда как другие фундаментальные области общественной жизни составляли предмет консенсуса. Вопрос о семье редко пересматривали, не ставили под сомнение полезность школы, медицины, психиатрии и т.д. Наконец, считалось, что согласие может и должно основываться на научных истинах, то есть на истинах, приобретенных путем логической дедукции или путем экспериментального метода. Эта ситуация полностью изменилась сейчас, и мы столкнулись с тем, что *оспариваются* не только определенные формы власти и управления, но и базовые структуры самого общества: "очевидность" разоблачается как "конвенция", шаг за шагом провозглашается, что нет разницы между мужчинами и женщинами, что авторитет родителей перед детьми ничем не оправдан, что психические больные - нормальны, а нормальные люди - безумны, что медицина чаще делает больных, чем лечит их, наконец, что научные факты не должны расцениваться согласно степени их истинности, но по особому рода "благоговению", то есть согласно их желательности с точки зрения модных идеологий.

В этих условиях само понятие *политики* существенным образом изменяется. Часто говорят, что "политика все захватила". И это правда. Но констатировать эту "абсолютную политизацию" - значит признавать заодно, что "политика" уже не делается в ее традиционных *местах*. Иными словами, можно задаться вопросом: разыгрывается ли еще основная ставка на арене "политических интриг"? Не будут ли электоральные соревнования скорее случаем измерить политическую результативность более диффузного действия, действия "метаполитического" типа, выходящего далеко за пределы партийного круга? По существу, это вопрос о *культурной власти*, которая заняла свое место параллельно с *политической властью* и которая, в некотором роде, является более фундаментальной.

Факт, который отныне нужно считать окончательно решенным, заключается в том, что нейтральности не существует. Если ты молчишь, значит ты просто отдаешь власть тем, кто говорит. Сам факт принадлежности к той или иной интеллектуальной школе, философской или религиозной доктрине, факт голосования за одну партию, а не за другую, следования профессиональным идеям - предполагает занятую позицию, которая

может распространиться на все области знания и активности. Мир нейтрален лишь вне человека, поскольку вне его мир не способен мыслить. В человеческих обществах, напротив, ничто не нейтрально: только человек создает смысл, и он является человеком только в отношении того, чему он придал смысл.

Несомненно, что, если идеологии, "картины мира" всегда присутствовали, они не всегда сознавали себя в качестве таковых, как это имеет место теперь, в эпоху, когда они инвентаризованы и формализованы в виде множества систем. Это идеологическое самоосознание является, очевидно, прямым или косвенным последствием революции 1789 года. С тех пор, как основания и легитимность принципа власти, который управлял дореволюционными обществами, были пересмотрены, все, что до этого шло само собой, что спонтанно представлялось неотъемлемой частью "естественного порядка", проявилось в качестве *конвенции*, то есть в качестве субъективного человеческого творения и, соответственно, оказалось во власти политико-идеологических фракций, претендующих на обладание "новой истиной" и стремящихся получить ресурс господства. Государство стало предметом спора различных фракций, и это не могло не вылиться в образование пространств теневой власти и умножение центров идеологического влияния.

В марксистской теории слово "культура" имеет достаточно точное значение. Для классических идеологов марксизма культура - это прежде всего идеологическая надстройка, которая зависит от материальной и экономической структуры общества и в то же время воспроизводит, упрочивает и оправдывает эту структуру. Культура, другими словами, формирует сознание в соответствии с господствующей идеологией. Из этого следует, что воздействие на экономическую сферу влечет трансформацию "надстройки". Это общепринятое марксистское определение было пересмотрено неомарксистами, отдельные представители которых заметили, что вполне можно перевернуть порядок причин и следствий, то есть влиять на структуры политической и экономической власти, воздействуя на "надстройку" культуры и идей. Именно эта обратная связь идеологии с "базисом" хорошо проанализирована Мао Дзедунем, который создал в партии китайскую концепцию "культурной революции". И, разумеется, здесь нельзя не вспомнить о личности выдающегося теоретика "культурной власти", которым был итальянский коммунист Антонио Грамши, чье влияние в некоторых левых кругах сегодня значительно - и, может быть, играет решающую роль.

После поражения итальянского коммунистического движения в 20-х годах Грамши, заключенный в одиночную камеру, имеет достаточно времени для того, чтобы анализировать марксистско-ленинские представления о революционной практике и подытоживать логику собственных неудач. Как получается, что сознание людей "отстает" от того, что должна была бы диктовать им их "классовая сознательность"? Как господствующему меньшинству удастся принуждать к "естественному" повиновению подвластное большинство? Таковы вопросы, на которые Грамши постарается ответить, усердно изучая понятие идеологии и осуществляя решающее различие (сейчас ставшее классическим) между "политическим обществом" и "гражданским обществом".

Под гражданским обществом (термин, взятый у Гегеля, хотя он и критиковался Марксом) Грамши подразумевает совокупность культурных, интеллектуальных, религиозных, моральных сфер в той мере, в какой они выражаются в системе потребностей, в законодательстве, администрировании, корпоративной деятельности и так далее. Грамши

видел большую ошибку коммунистов в том, что они верили, будто государство сводится к простому политическому аппарату. На самом деле, государство учреждает "организованное согласие", то есть управляет не только посредством политического аппарата, но также посредством *имплицитной идеологии*, общепринятой и "само собой разумеющейся" для большинства членов. (Это различие близко тому, что имел в виду Луи Альтюссер, говоря о "репрессивном аппарате государства" и "идеологических аппаратах государства".)

Расходясь здесь с Марксом, который сводил "гражданское общество" к экономическому базису и к противоречию между производительными силами и формами присвоения капитала, Антонио Грамши прекрасно осознает (впрочем, не всегда подчеркивая это достаточно четко), сколь тесно идеология связана с нравами, то есть с ментальной структурой народов, - что именно в этом "гражданском обществе" разрабатываются, распространяются и воспроизводятся концепции мира, философские доктрины, религии, все интеллектуальные и духовные виды деятельности, на которые явно или неявно опирается общественный консенсус. И особенно в современных обществах, где политическая власть диффузна, власть "гражданская" - менталитет эпохи, дух времени - приобретает огромную роль. Именно эту роль коммунистические движения 20-х годов недооценили при разработке своих стратегий. В этом отношении они были введены в заблуждение примером 1917 года: если Ленин и смог захватить власть, то не в последнюю очередь потому, что в России гражданского общества практически не существовало. Напротив, в тех обществах, где каждый достаточно тесно вовлечен в ту имплицитную идеологию, которая формирует спонтанное видение мира, в обществах, где правит специфическая культурная атмосфера, *захват политической власти невозможен без предварительного захвата культурной власти*. "Социальная группа, - пишет Грамши, - может и даже должна стать ведущей задолго до того, как она завоеует правительственную власть: это одно из главных условий самого завоевания власти" ("*Тюремные тетради*"). С точки зрения Грамши, в развитом обществе "переход к социализму" совершается не путем путча, не путем прямого противостояния, но именно путем преобразования общих идей, равносильного медленной переделке сознания. А ставкой этой позиционной войны является культура, рассматриваемая как командная высота для субординации ценностей и идей.

Грамши, таким образом, отводит интеллектуалам вполне определенную роль. Он требует от них "выиграть культурную войну". "Интеллектуал" в его словоупотреблении определен своей функцией, которую он осуществляет по отношению к данному типу общества или производства. Грамши пишет, к примеру: *"Всякая социальная группа, рождаясь в естественной нише, которая соответствует ее основной функции в мире экономического производства, вместе с тем органически создает одну или несколько групп интеллектуалов, которые сообщают ей однородность и сознание свойственной ей функции"*. Исходя из этого, Грамши производит дополнительное различие между *органическими интеллектуалами*, которые обеспечивают идеологическую целостность системы или социальной группы, и *традиционными интеллектуалами*, представляющими старый слой, которому так или иначе удалось сохраниться в череде переворотов производственных отношений. Именно в тех, кого он называет "органическими интеллектуалами" Грамши видит *субъект* истории и политики - "*организационное Мы социальных групп*", если воспользоваться выражением Анри Лефевра. Это означает, что

субъектом истории уже не является ни государь, ни государство, ни даже партия, но связанный с рабочим классом интеллектуальный авангард. Именно он должен сообщить "пролетариату" ту "идеологическую однородность", то самосознание, которые необходимы для установления *гегемонии* - понятие, которое у Грамши заменяет и превосходит по своему смыслу пресловутую "диктатуру пролетариата".

Мимоходом Грамши детализирует средства, которые он считает пригодными для "перманентной агитации": апелляция к народной чувствительности, переворот преобладающих ценностей, создание "социалистических героев", использование театра, фольклора, песни и тому подобное. (На эти определения повлиял, между прочим, первоначальный опыт итальянского фашизма и его первые успехи.) Коммунизм, говорит он, должен, конечно, считаться с советским опытом, но бесполезно пассивно следовать этой модели. Напротив, для создания полюса культурной власти необходимо учитывать специфику национальных повесток дня и народных менталитетов. Историческое действие коммунистов больше не может игнорировать разнообразие обществ.

Грамши - когда он пишет в тридцатые годы - очень хорошо знает, что период после фашизма не будет социалистическим. Но он думает, что эпоха нового воцарения либерализма даст превосходную возможность для осуществления культурной инфильтрации, потому что сторонники социализма и марксизма окажутся в сильной моральной позиции. Он предвещает, что в атмосфере "демократического поворота" должен возникнуть *исторический блок* под управлением "рабочего класса", тогда как "традиционные интеллектуалы", постепенно маргинализуясь, кончат тем, что будут ассимилированы или ликвидированы. (Под "историческим блоком" Грамши подразумевает систему политических альянсов, объединяющих надстройку и базис, построенную вокруг пролетариата, но не тождественную ему.)

Если иметь в виду чисто методологические аспекты теории "культурной власти", то некоторые из взглядов Грамши нельзя не признать пророческими. Очевидно, что многие характерные черты современных обществ все еще благоприятствуют намеченной им стратегии. Роль интеллектуалов в рамках социальной структуры никогда еще не была столь велика, как сегодня. Демократизация образования, значимость масс-медиа, растущий вес "досугового времени", назойливый поиск "новых талантов", растущая подверженность лидеров мнения модным идеям и конъюнктуре социологических опросов - все эти факторы, накладываясь друг на друга, позволяют интеллигенции осуществлять значительное влияние. И все это следует помножить на растущую уязвимость общественного мнения перед *метаполитическими* посланиями, которые тем более эффективны, чем менее предстают в своем манипулятивном и суггестивном качестве, не встречая того характерного недоверия, с которым сталкивается откровенно политическое послание.

Наконец, есть другая черта современных обществ, которую невозможно игнорировать в вопросах культурной власти. Фактически западные либеральные режимы по самой своей природе очень слабо экипированы, если не сказать безоружны, перед лицом трансформации нравов и инфильтрации умов. Либеральные власти являются пленниками своих собственных принципов. В плюралистической политической системе конкуренция необходимым образом гарантирована всем присутствующим идеологиям, и общество не может ополчиться против одной из них без того, чтобы не выглядеть тираническим.

Государство может запретить хранение оружия или использование взрывчатых веществ, но оно не может, не рискуя принципами свободы выражения, запретить распространение книги или показ спектакля, даже когда те представляют собой оружие, направленное против него. Либеральное общество всегда под угрозой медленного самоубийства. Оно основано на плюрализме; этот плюрализм продолжителен лишь в том случае, если пользуется плодами широкого консенсуса; общество не может положить конец плюрализму, не ставя под вопрос собственные основания. Интеллигенция имеет здесь наиболее благоприятные возможности для осуществления своей критической функции. Но именно эта функция представляет собой уязвимое место консенсуса!

"Плюралистическому порядку, - отмечал Жан Беклер, - свойствен исчезающий плюрализм. В самом деле, политический плюрализм, то есть институциональное признание легитимности расходящихся друг с другом и конкурирующих проектов, изнутри разъедает консенсус. Многопартийность, в силу самого механизма конкуренции, располагает к тому, чтобы фокусировать внимание на множественности демаркационных линий, институтов и ценностей. В пределе не остается ничего, в чем члены общества единодушны".

Таким образом, мы попадаем в порочный круг. Деятельность интеллектуалов способствует разъеданию общности, прибавляя к внутренним изъянам плюралистических режимов деятельность подрывных идеологий. Причем, чем больше консенсус рассыпается и сужается, тем сильнее становится идеологический спрос - на который отвечает деятельность интеллектуалов. Соответственно, власть, вынужденная считаться с подвижками общественного мнения и сама соблазненная миражами моды и талантами интеллигенции, часто открывает дорогу этому процессу подмены ценностей, жертвой которого она, в конечном счете, становится. Именно так, под воздействием культурной власти, происходит ниспровержение идеологического большинства.